

ОТЗЫВЪ О СОЧИНЕНІИ А. СОБОЛЕВСКАГО ¹⁾

«Очерки изъ исторіи Русскаго языка»

ч. I-я. Кіевъ 1884 г. II + 166 + III + приложения (1—24)

А. А. Потебни.

Сочиненіе это, представленное авторомъ въ факультетъ, какъ диссертация на степень доктора славяно-русской филологіи, по объему значительно больше прежнихъ его сочиненій: магистерской диссертации «Исслѣдованія въ области русской грамматики». Варшава 1881 г., 1—91 с., и небольшого сборника «Статьи по славяно-русскому языку». Варшава 1883 г., 1—37 с., и нѣсколькихъ рецензій меньшаго объема. Упомянуть здѣсь объ этихъ сочиненіяхъ нужно не только потому, что въ нихъ сказана предшествующая ученая дѣятельность автора, но и потому, что въ послѣднемъ сочиненіи авторъ, недоказывая своихъ положеній, ссылается на доказательства, представленныя имъ въ сочиненіяхъ прежнихъ. Такимъ образомъ и для оппонента эти со-

---

1) Покойный А. А. Потебня не успѣлъ при жизни напечатать своего отзыва на сочиненіе А. И. Соболевскаго, представленное въ Императ. Харьковскій Университетъ въ качествѣ докторской диссертации. Здѣсь этотъ отзывъ печатается по рукописи, переданной М. В. Потебнею въ редакцію Извѣстій. Несомнѣнно, что А. А. Потебня кое что измѣнилъ бы въ своихъ возраженіяхъ А. И. Соболевскому, если бы готовилъ ихъ къ печати. Трудъ изданія раздѣлил съ редакціею прив.-доц. Харьк. Унив. Б. М. Ляпуновъ.

чиненія представляютъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, одно цѣлое. О содержаніи разсматриваемаго сочиненія даетъ понятіе слѣдующее:

Въ послѣсловіи авторъ выставляетъ основное положеніе, что «Русскій языкъ уже въ древнѣйшую эпоху своего существованія дѣлился на нѣсколько нарѣчій и говоровъ. Исторія этихъ нарѣчій и говоровъ составляетъ исторію Русскаго языка» (I). Подобное высказывалъ между прочими и я («Два изслѣдованія» 138, «Къ исторіи звуковъ» I, 5—6) съ тою, какъ мнѣ кажется, существенною разницею, что я, различая время (по всей вѣроятности весьма продолжительное) существованія общихъ признаковъ русскаго языка и время, отъ котораго остались документальныя свидѣтельства о русскомъ языкѣ, считалъ себя въ правѣ говорить лишь о второмъ, а не о первомъ: «Уже въ началѣ русской письменности языкъ нашъ является лишь совокупностью русскихъ нарѣчій».

«Въ (русскихъ) спискахъ (церковно-славянскихъ памятниковъ) мы находимъ . . . большее или меньшее количество умышленныхъ и неумышленныхъ измѣненій, характеризующихъ мѣстные нарѣчія и говоры» (I).

«При тождествѣ правописанія памятника, мѣсто написанія котораго извѣстно, съ правописаніемъ памятника безъ даты, въ большинствѣ случаевъ можно съ достовѣрностью сказать, что послѣдній писанъ или въ томъ же городѣ, гдѣ и первый, или въ ближайшихъ къ этому городу мѣстахъ» (II).

«Мы рѣшились, говоритъ авторъ, выдѣлить изъ числа древнихъ русскихъ рукописей, хранящихся въ нашихъ публичныхъ библіотекахъ и музеяхъ, нѣсколько группъ съ тождественнымъ правописаніемъ, опредѣлить . . . мѣсто написанія тѣхъ изъ нихъ, которыя не имѣютъ датъ, извлечь изъ особенностей ихъ правописанія тѣ, которыя могутъ служить къ характеристикѣ древнерусскихъ нарѣчій и говоровъ, прослѣдить и объяснить развитіе этихъ особенностей и сравнить ихъ съ особенностями современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ....»

«Трудъ нашъ состоитъ въ описаніи памятниковъ и въ комментаріи къ нему» (II).

Подлежащее разсмотрѣнію изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ каждая распадается на описаніе фонетическихъ особенностей памятниковъ и на толкованіе замѣченныхъ особенностей.

Въ первой части: «Галицко-Волынское нарѣчіе въ XII—XV в.» разсмотрѣны пятнадцать церковно-славянскихъ рукописей XII—XV в. юго-западнаго русскаго письма и изданныя юго-западныя грамоты XIV—XV в., Ипат. сп. лѣтописи и нѣкоторыя другія (стр. 1—67). Изъ отмѣченныхъ здѣсь признаковъ выдѣлены, какъ наиболѣе характеристичныя: камѣнье (ср. мой разборъ соч. Житенкаго, Оч. зв. ист. мр. нар. 37—8), багать, вовца, увесь, розка, дѣжчъ (67—8).

Во 2-й части, «Псковскій говоръ въ XIV в.», разсмотрѣно девять рукописныхъ церковно-славянскихъ памятниковъ отъ 1309 до 1409 г. (118—143), въ коихъ, какъ наиболѣе характеристичныя особенности, отмѣчены взаимная мѣна *ж* и *з*, *ш* и *с* и переходъ *е* въ *а* (155).

Собраніе и приведеніе въ порядокъ этихъ фактическихъ данныхъ потребовало большого прилежанія. Оно составляетъ, какъ мнѣ кажется, безспорную заслугу автора и даетъ мнѣ основаніе подать голосъ за его сочиненіе.

Менѣе удовлетворительными кажутся мнѣ толкованія и выводы, слѣдующіе за фактическимъ обзоромъ памятниковъ.

Такъ авторъ, неограничиваясь подтвержденіемъ скромнаго, но прочнаго вывода, сдѣланнаго и раньше, что въ памятникахъ, какъ напр. въ Галицк. Ев. XIII в., отчасти описанномъ Срезневскимъ и другими, сказывается южно-русскій говоръ, отличный, какъ отъ сѣверно- такъ и отъ южно-великорусскихъ, пытается дать новое основаніе легкомысленной по своимъ прежнимъ основаніямъ гипотезѣ Погодина. Онъ говоритъ: «Ни одна изъ описанныхъ нами выше рукописей не имѣетъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ ближайшимъ къ Кіеву мѣстамъ. Кромѣ

того всё памятники XII—XV в., которые съ большею или меньшею достовѣрностью могутъ быть признаваемы за писанные въ Кіевѣ и которые вышли не изъ княжескихъ канцелярій, не имѣютъ въ своемъ правописаніи главной изъ особенностей, отмѣченной нами въ Добриловомъ Евангеліи и пр., — систематическаго употребленія *ъ* вмѣсто *е*. Все это заставляетъ думать, что древній кіевскій говоръ былъ совершенно отличенъ отъ древняго галицко-волинскаго нарѣчія и принадлежалъ къ числу великорусскихъ». (68).

Не говоря ужъ о томъ, что памятниковъ Кіевскихъ до XV в. включительно авторъ здѣсь не разсматриваетъ и что стало быть, чтобы не вызывать напрасной полемики, авторъ могъ бы послѣдовать разумному правилу *ponit remota in annum*, отложить выводъ до того времени, когда онъ разсмотритъ упомянутые Кіевскіе памятники; очевидно, что сложный вопросъ о племенномъ характерѣ жителей Кіевской земли до XV в. включительно рѣшается на основаніи *отсутствія* въ предполагаемыхъ Кіевскихъ памятникахъ *ъ* въ случаяхъ какъ *каменя*, т. е. на основаніи удержанія въ этихъ памятникахъ этимологическаго общерусскаго написанія съ *е*. Такое предположеніе, закннутое далеко напередъ болѣе основательныхъ фактическихъ изслѣдованій, по свойственной людямъ склонности настаивать на своемъ, можетъ дать одностороннее пристрастное направленіе будущимъ работамъ автора.

Что касается до частныхъ объясненій звуковыхъ явленій, то въ этомъ отношеніи настоящее сочиненіе автора должно быть разсматриваемо въ связи съ предыдущими его сочиненіями, на которыя онъ не разъ ссылается.

Подробный разборъ частныхъ положеній автора, мнѣ кажется, можетъ скорѣе ослабить, чѣмъ подкрѣпить хорошее мнѣніе о его сочиненіи.

Предоставляя себѣ изложить подробности такого рода устно въ факультетѣ и при публичномъ защищеніи, я позволю себѣ здѣсь лишь въ общихъ чертахъ опредѣлить манеру автора, не

разъ сказывающуюся въ его объясненіяхъ. Авторъ по своему направленію «*ist junggrammatist*», но принадлежность къ извѣстному направленію, какъ бы оно ни было хорошо, за достоинство пользованія извѣстными приѣмами не считается.

Конечно, разъ извѣстный звуковой законъ нами познать, мы должны стараться объяснять неподходящія подъ него явленія не въ подрывъ ему, а иначе, напр. вліяніемъ аналогіи. Но законность въ природѣ есть постоянный образъ явленій при опредѣленныхъ условіяхъ, такъ что при измѣненіи условій измѣняется и образъ явленій.

Познаніе законности есть стремленіе къ возможному для насъ знанію полноты условій. Это стремленіе проявляется въ авторѣ въ недостаточной степени. Онъ наклоненъ къ грубому пониманію закона, которое не разъ заслоняетъ отъ него необходимость тщательнаго мѣлочнаго изученія конкретныхъ условій даннаго случая. Напримѣръ для него законъ: «*б* въ русскомъ языкѣ между гласными никогда не выпадаетъ» (Измѣд. 61), т. е. онъ допустилъ бы выпаденіе *б* въ *те'ѣ* (тебѣ) лишь въ томъ случаѣ, если бы оно выпадало въ *баба*, *рыба* и т. п. Но такъ какъ въ послѣднихъ оно не выпадаетъ, то авторъ, вмѣсто изученія конкретныхъ условій случая *теѣ*, которое могло бы открыть ему весьма распространенную въ славянскихъ нарѣчійхъ звуковую наклонность и дало бы возможность объяснить этотъ случай фонетически, подъ вліяніемъ фиктивнаго, слишкомъ отвлеченно понятаго закона дѣлаетъ пять-шесть предположеній для объясненія *теѣ* по аналогіи.

Или авторъ говоритъ: «намъ неизвѣстны случаи образованія славянскаго *у* изъ *гъ*» (Ст. по славянор. яз. 18—9). Незнаніе и нежеланіе изслѣдовать возводится въ законъ, по которому *у* въ мр. *бути* возводится къ доисторическому времени. Возможно, что авторъ при своемъ пристрастіи къ своимъ нерѣдко парадоксальнымъ объясненіямъ и выводамъ со временемъ пуститъ въ ходъ и это объясненіе.

Глухіе.

Соболевскій, Оч.: «Когда произошло исчезновение глухихъ въ галицко-волинскомъ нарѣчіи, нельзя опредѣлить; надо думать, что оно произошло во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго языка одновременно». (70).

Я считаю болѣе вѣроятнымъ, что не только въ разныхъ говорахъ, но и въ томъ же говорѣ въ разныхъ разрядахъ словъ исчезновение глухихъ происходило разновременно. Самъ авторъ, произвольно утверждая, что писецъ Добрилова Еванг., писавшій *тзргъ*, говорилъ уже *торгъ*, говоритъ: «во въ нѣкоторыхъ словахъ, глухіе существовали въ Галицко-Волинскомъ нарѣчіи много времени спустя послѣ 1164 г. (кажется, въ нѣкоторыхъ галицкихъ говорахъ *они существуютъ* еще и теперь)» 72 — 3. Да, кажется. Последнее свидѣтельство объ этомъ—Ogon. Stud. 29, 47, O ważniejszych właściwościach języka Ros. 17: въ разныхъ мѣстахъ Галиціи слышится: ріды, пліды, тѣмы, лісомы, чоловіко, цѣриство.

По поводу этихъ современныхъ случаевъ, а также тѣхъ древнихъ (соунсловоници, Ефр.), въ коихъ глухой звукъ качественно не соотвѣтствуетъ древнему глухому, замѣчу, что такое несоотвѣтствіе (напр. *o, zi* вмѣсто *ъ, e* вм. *ъ*) по моему мнѣнію не свидѣлствуетъ, что сначала древніе глухіе исчезли, а потомъ независимо отъ нихъ появились новые глухіе же или чистые. Напротивъ, качество гласной могло измѣниться, не во вредъ непрерывности ея существованія отъ древности. Такъ, хотя *и* не есть всегдашняя замѣна *ъ* въ чешскомъ, но существованіе этого звука послѣ стеченія согласныхъ въ прич. на *лз* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на Моравѣ (*tahlu, radlu* и проч. при *byl, myl, Šemb. Dialectol. 20*) по моему ведетъ свое начало отъ слога—*лз*, тогда какъ опущеніе *л* въ нѣкоторыхъ чешскихъ говорахъ (*řek, nemoh, upad*) или вставка неорганичesk. *с* въ моравск. (*nemohel, utekel*) или *o* въ Словен. (*radol*), *Šemb. 12*, есть слѣдствіе опущенія *ъ*.

«Въ такихъ случаяхъ, какъ *ксте* (=ксть) *придѣте* (3 л. ед.) Добр. Ев., домо Тип. Ев. № 7, къ Июдѣмо Луцк. Ев., конечныя *e*, *o* *безъ сомнѣнія* не изображаютъ никакихъ звуковъ; они не болѣе и не менѣе, какъ графическая замѣна *ъ* и *з*, знаковъ, указывающихъ только на твердость и мягкость согласныхъ». (71).

Такимъ образомъ авторъ частью не придаетъ значенія, или объясняетъ иначе, не тѣмъ, что въ произношеніи слышится глухой звукъ, то, что давно замѣчено въ цѣломъ ряду памятниковъ, какъ церковно-славянскихъ нерусскаго письма (Марьян. Ев. Arch. VII, 76), такъ частью и русскихъ, преимущественно южныхъ, а именно, что передъ начальными *и*, *я*, *ю* слѣдующаго слова конечное *ъ* = *ъ*, конечн. *ъ* = *и*. Такъ въ Изборн. 1073 не только въводати и *зз* и т. п., но и отъ плодовы ихъ познаете *и*, 117 *d* (ошибочно Arch. VII отъ плоды ихъ); не тѣчьж же се, ны и възъмъ нѣкъто камыкъ.... 153 в., омаломоштавъшж тѣлоу смѣрить са съ ними и дѣа 1946 (и во многихъ другихъ пам. Шахматовъ Arch. VII, 74—6).

Г. Соболевскій отмѣчаетъ это явленіе въ Добр. Ев. 1164 (6; между прочимъ «азы и вѣмь, приведохы и»; прибавить изъ Бусл. Хр. 59: покмы и особь = поимъ и); по счету Шахматова Arch. ib. 76 въ этомъ памятникѣ 90 случаевъ; въ Типогр. Ев. XII в. (Соб. 9). То же на стр. 14, 19, 23, 28 (Холм. Ев. азы и вѣмь, видѣлы и кси); 38 (Поликарп. Ев. 1307, подробности у Бусл. Матер.: не только—ти и моляхоути и, но и тогда, когда за *ъ* не слѣдуетъ *и*, възвеселилъ ся быхы), стр. 44, 57.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ фонетическимъ, равномѣрно относящимся и къ окончанію *ть* и къ другимъ. Соболевскій считаетъ окончаніе *си* = медіальн. *сам*, а—*ти* = медіальн. *там* (Изсл. 84 сл.). Для пріемовъ автора характерно при этомъ слѣдующее. Въ доказательство существованія медіальнаго — *си*, кромѣ *кси*, *даси*, *отси*, приводятся изъ старыхъ памятниковъ 3 формы и изъ нынѣшняго мр. одна, именно *зорвеси* (=сорвешъ) Переясл. уѣзд. (Тр. Этн.-стат. экс. II, 139). Относительно стар. см. Шахматова

Arch. VII, 62—3; что же до мр., то цитированное мѣсто читается такъ: «знаєшь... чоловіче що (т. е. зробоимо)? А що жуыинко?—Зорвеси (т. е. зорвемо) помуйсть у такый—то хати да заховаемъ їх обох (дїтей) туди». Этотъ томъ Трудовъ печатанъ подъ наблюдениемъ Гильдебрандта.

Въ числѣ доказательствъ существованія медіальной ф. 3 л. ед. — *ти* приведено между прочимъ (Ислѣд. 88): «въ Златой Цѣпи XIV в. «аще ли рабъ... *ходити*, то» (Бусл. Ис. Хр. 480). На слѣд. стр. (89) авторъ ссылается между прочимъ на тоже самое мѣсто Златой Цѣпи въ подтвержденіе существованія медіальныхъ окончаній 2 л. мн. *тѣ* (есте) = *тѣ* = *ти*, а потому, чтобы оцѣнить правильность пониманія авторомъ вышеприведеннаго «*ходити*», привожу и эти формы второго лица мн.:

«Можно считать медіальными образованиями современныя ф. 2 л. мн. изъявит. и повел. наклоненій: врус. *естѣ* (не *естѣ*), свр. *пойдетѣ*.... «Такъ какъ конечное *e* подъ ударениемъ въ вр. нарѣчїи всегда звучитъ какъ *ѣ*, то необходимо предположить, что современныя *естѣ* и др. восходятъ къ праславянскому *estъ*; на это указываютъ также формы: современ. мр. (подольск.) *једътје*, *бріједътје*; современ. морав. *viditѣ*, *рапатїтїѣ*....; др. русск. «челядь свою *кормити*.... *одѣвайте*.... лозы нещади*ти* (Злат. Ц. XIV в., Бусл. Хр. 480), *ислети*, Сильв. сб. XIV в. Изв. Ак. Н. Х, 656.... Замѣтимъ: 1) что въ Подольскомъ говорѣ и въ Моравскомъ языкѣ *ъ* рефлектируется мягкимъ *e*; 2) что древне-русск. памятники, изъ которыхъ взяты нами формы на *и*, писаны вѣроятно въ Новгородской области....».

При повѣркѣ видно:

а) мр. формы взяты изъ моей статьи, а мною изъ Wojs. P. L. II, 147 («jed'tie nebryjettie»), съ замѣчаніемъ, что говоръ *пожъ* на одинъ изъ Забужскихъ. При этомъ я разумѣлъ Западн. Бугъ и говоры Сѣдлецк. г. (какъ показываетъ моя ссылка на разборъ соч. Житецк. 23—4), гдѣ звуки *e* основные довольно нѣбны. Г. Соболевскій принялъ Западный Бугъ за Южный.

б) Если бы авторъ просмотрѣлъ хотя ту лишь одну 10-ю стр. Морау. р. Сушила, то онъ бы увидѣлъ, что въ Морав. говорахъ («языкъ!») мягкое *ě* соотвѣтствуетъ не только основному *ь*, но и основному *e*: за *пѣшај*, *пѣш*.

в) Относительно *неходити* (3 л. ед.) и *нецадити* (понятаго Соболевск. какъ 2-е л. множ.) видно слѣдующее: у Бусл. Ист. Хр. 480 (Злат. Цѣпь) «аще ли рабъ и рабыни неслушаетъ и по твоей воли *неходити*, то за года лозы нань *нецадити* до *5* ранъ и до *вѣ*», гдѣ *нецадити* неопр. накл. (2-е лиц. мн. неумѣстно, какъ видно изъ «твоей») а «ходити» вмѣсто *ходить* подъ вліяніемъ этого неопредѣлен. накл.

Кормити есть не 2-е л. мн., а неопред., дополняющее «глаголю»: «ча(да) моя милая, еще вы глѣю челядь свою кормити, яко же до сыти имъ; одѣвайте, обувайте» Бусл. Хр., ib. 480. *Ислети*, въ Сильв. сб. понято Соболевскимъ какъ 2-е л. мн. подъ вліяніемъ Уваровскаго сп., во многихъ случаяхъ представляющаго искаженія. Мѣсто это читается у Срезневск. (Пам. 251) такъ: И(ж) слети (= послите, Увар. сп.) ко мнѣ птича нечѣтая и възгѣла ко мнѣ птича». . . . Сравненіе съ другимъ спискомъ XV в. (Тихонр. Пам. I, 63) показываетъ, что это 3 л. аор.: «И слетѣ птица нечѣта. . . .» Что до «и въ конця, менишимъ Ефр. С. и т. п. и у въ забузена Луцк.», то 1-е описка, какъ *ь* въ прѣльстѣть, нашѣхъ Ефр. Спр., а второе не изъ *з*, а замѣнило его благодаря вліянію у въ забувати, которое изъ *забути* 73.—Описка, вслѣдствіе близости произношенія *и* и *ь*: это тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ древнѣе памятники. Въ Сб. 1073: невражи ни *нигицами* гатаи 94 об., на сборъ патрыарьхъ 120, трѣхъ моужи 103, патрыарьхомъ 154, коликты чѣсти и прыазни съподоби 154, въ день скръбиныи 182, добропрыазни 206.

— «Въ галиц. *лижка*, п. *лузка* *и* не изъ *з*. Отношеніе этого слова къ нашему *ложка* (изъ *лъжка*) таково же, какъ отношеніе *сырз* къ др. русск. *сорз* (изъ *сърз*: недѣля соропустная, Трїодъ Постн. XII—XIII в. М. Типогр. Б. № 254 5 случ.),

Польск. *ser*; совр. р. *сынѣ* (vŭv) къ русскому *онѣ* (изъ *пнѣ*, ср. нѣмед. *nun*)» 73. — Но *sér* изъ *syg*; ср. *bohater*, *pastérz* (каш. *pastorz*), *cztery*, *siekiera*, *Mikl. Gr. I², 532*: диалект. «*sérzy się sérzy (szyrzy) bélica po wsi*», *Kolb. Lud. I, 105*.

Соръ (сыръ, можетъ быть, описка вмѣсто сэръ, а это изъ сэръ вслѣдствіе опущенія *z* въ *z*. Ср. Изб. 1073: бѣвають 121 об., до четъръ сътъ лѣтъ, 137, ажъ 181, мѣтоимць 187 (Бусл. Матер., 6) до мѣръ (= ты) нѣ до кои 106, хѣтрости 103. Языкъ Златоостр. XII в. Малин. Изсл. Златоостр. 265.

Стр. 74. Въ случаяхъ снѣдно, правды, Гал. Ев., *z*, *z* «могутъ указывать лишь на твердость и мягкость согласныхъ». (74).

Я оцѣниваю такіе случаи, смотря по времени и конечному результату. Встрѣчаемыя въ XV—XVIII и, какъ я показалъ вплоть до нашего времени (Разб. соч. Житецк. 59—60), *z*, *z* означаютъ не одну мягкость или твердость, но и принадлежность согласной къ предыдущему слогу, т. е. *minimum* глухой гласной, не составляющей слога. Это *quantum* увеличивается по направленію къ древности, и въ XII—XIII в., когда массами встрѣчаются случаи употребленія *o*, *e* вмѣсто глухихъ, исчезнувшихъ (непрѣстанено, мышцею и т. п. Собола. 17 et pass.), должно быть принято, какъ равное слогу. Такой слогъ съ *z*, *z* былъ тогда явленіемъ *всеобщимъ*, тогда какъ *z*, *z* въ случаяхъ, гдѣ эти звуки не даны этимологически, встрѣчаются лишь крайне рѣдко въ болѣе правильныхъ по языку церковно-славянск. памятникахъ гдѣ писецъ ставилъ ихъ въ концѣ строки (дѣ-виженъя зѣ-па-менье Добр. Ев. Собола. 5 et pass.), причѣмъ они означаютъ лишь субъективное дѣленіе на слоги.

О *горъдъ*, *мерътовъ* 75—6.

«Полногласныя сочетанія *ъръ*, *ъръ* и пр., восходящія къ древнѣйшимъ *ър*, *ър*, *зл*, были въ древности общи всему русск. языку». (76). Вр. верьх, П. *wierzch ib*.

Къ сказанному у меня Къ ист. звук. I, 90—103, о второмъ полногласіи прибавлю:

Остаюсь при мнѣніи, что *зрѣ* и пр. должно быть оцѣниваемо, смотря по говору писца памятника.

Въ сѣвр.-вр. въ XIV—XV в. 2-е полногласіе = 2 слогамъ. Вѣроятно, что нѣчто подобное выражалъ сѣв.-вр. писецъ начертаніемъ *zaz* уже въ XI в.

Въ южно-русск. и, за немногими исключеніями, юж.-вр. 2-го полногласія въ смыслѣ 2-хъ слоговъ нѣтъ. Нѣтъ нужды предполагать ни, что писцы Сб. 1073—6 и пр. были сѣвернаго происхожденія, ни того, что формы *дзлзгы* (3 сл.) были нѣкогда обще-русскими.

Вторья *з*, *ъ* въ памятникахъ южныхъ могли искони и до нашего времени означать лишь minimum глухого, отдѣляющее *р*, *л* отъ слѣдующаго слога. Тоже означали написанія *зр'* и т. п. съ надъ или за *р*, *л*, составляющія въ Изб. 1073 почти правило: жъртвы 33 сърдыце, мълчаник 34.

Вѣра, *wierzch* не предполагаютъ *зрѣ* = 2 слогамъ и объясняются вліаніемъ послѣдующей гортанной и губной. (Къ ист. зв. I, 70).—

Для характеристики пріемовъ:

Соболевскій: «въ сѣв.-вр. нарѣчій и немногихъ говорахъ южно-вр. есть формы род. п. *тія*, *сія*; *тея*, *сея* и дательн. *тію*, *сію*, *тею*, *сею*; *тою*, *сою* [= *таю*, *саю*]... Потебня, Колосовъ и Миклошичъ считаютъ ихъ происшедшими изъ формъ *тебя*, *себя*, *тебю*, *себю*, но *б* въ русск. яз. между гласными *никогда* не выпадаетъ (одинъ примѣръ *баушка* ничего не доказываетъ)». Поэтому авторъ прибѣгаетъ къ предположеніямъ:

а) *тію*, *сію* — изъ дат. *ти*, *си* съ присоединеніемъ окончанія взятаго изъ *тебю*, *себю*.

б) «Формами дат. *тію*, *сію* были вызваны формы род. *тія*, *сія*, съ окончаніемъ формъ *тебя*, *себя*».

в) *тею*, *тея*, *сею*, *сея* или (α) образовались изъ *тію* и пр.

подъ вліяніемъ формъ *тебѣ* (какъ (β) *топъ*, *сопъ* подъ вліяніемъ *тобѣ* *собѣ*), или (γ) въ ихъ основаніе легли не формы *ти*, *си*, а формы *тѣ*, *сѣ*. (Изс. въ обл. Р. грам. 61—2).

Предположеніе γ въ свою очередь держится на предположеніи, что *тѣ* не изъ *тебѣ*, ибо если *тѣ* изъ *тебѣ*, то незачѣмъ было бы и *тебѣ* объяснять иначе.

Итакъ вмѣсто одного предположенія (опущенія б) ставится пять-шесть.

Предположенія а, б, в, г возможны подъ условіемъ принятой авторомъ преемственности формъ: сначала были формы съ и (тіѣ, сіѣ, тіа, сіа), а потомъ формы съ е (теѣ, тея и пр.). Для сохраненія этого порядка нужно было не придавать значенія тому, что въ говорахъ, въ которыхъ встрѣчаются и формы *сѣ* и формы *сеѣ*, е неударяемое склоняется къ и.

Такъ въ ситскомъ гов., гдѣ записыватель отмѣчаетъ *цѣя* и *цѣль*, онъ же пишетъ *миѣя* (Этн. сб. I, 144, 146, 155 et pass.). Такимъ образомъ возникаетъ по моему основательное предположеніе, что, относительно основная форма есть *тея*, *цея*, *теѣ*, *сеѣ*, отсюда *тіа* и пр.

Если это такъ, то объясненіе *тиѣ* при посредствѣ *ти* и пр. отпадаетъ совсѣмъ, а остается возможнымъ только предположеніе (вγ).

Нужность своихъ предположеній авторъ оправдываетъ предполагаемою невозможностью объяснить *сіа* и пр. фонетически: «б между гласными въ русск. *никогда* не выпадаетъ (кромѣ единичнаго *баушка*)». Для объясненія пол. *trza* = *trzeba* нужно, чтобы вездѣ опускалось в. Т. о. по Соболевскому буде можно бы объяснить изъ *будеть* лишь въ томъ случаѣ, если бы изъ *сѣтъ* вышло *сѣ* (Изсл. 80)¹⁾. Слѣдовательно возможность фонетическаго объясненія для автора была бы условлена существованіемъ выпаденія б (напр. ба'а, ры'а), при томъ, вѣроятно, какъ всеобщаго закона, понимаемаго въ смыслѣ возникновенія такого опущенія

1) Два послѣднія замѣчанія прибавлены авторомъ на поляхъ. Б. Л.

при разнообразныхъ и неопредѣленныхъ условіяхъ: Однако одинъ примѣръ «баушка» доказываетъ, что опущеніе *б* въ извѣстныхъ узко-опредѣленныхъ условіяхъ возможно. Утверждая по поводу *сѣ* и пр., что *б* не выпадаетъ въ *баба* и потому не могло выпасть въ *сѣ*, авторъ предполагаетъ, что въ *сѣ* есть только тѣ же условія, что въ *баушка*, а въ послѣднемъ тѣ же, что въ *баба*. Но это—*qui pro quo*, заключеніе отъ невозможности явленія въ условіяхъ общихъ А и невозможности его въ условіяхъ частныхъ АВВ.

Эти частныя условія для *сѣ* и пр. могутъ состоять, кромѣ нахождения *б* между гласными, еще въ небности этого слога, благодаря коей *б* (*б'*) переходитъ въ *ј* и затѣмъ (такъ какъ не смотря на это *рыбъ*, *робя* не переходятъ въ *ры'нъ*, *ро'я*) въ томъ, чтобы такимъ образомъ измѣняемое слово принадлежало къ числу особенно часто произносимыхъ и легко вывѣтривающихся. Законъ, которому подчиняются звуки такихъ словъ, есть всеобщій и недопускающій исключеній въ томъ смыслѣ, что извѣстныя стяженія и опущенія наступаютъ каждый разъ, когда даны извѣстныя условія, но вовсе не въ томъ, чтобы эти условія, бывали даны въ цѣлой массѣ словъ одного и того же говора и тѣмъ болѣе во множествѣ говоровъ, объединяемыхъ нами въ понятіи одного языка. Такую исключительность условій можно усмотрѣть въ *вр. грыт*, *гѣт* (говорить), *с*, *су* (судырь, осударь, госнодарь), *чслаэкъ*, *ч'лэн*, *мр. кае*, *ка* (каже), *пек твой ма*, *бра*, *буков. хло*, *буков. ади*, *адѣт* (а диви, а дивѣт *Ogon. Stud. 95*), *карп. б'еси б'е* (будешь, буде). Два изслѣд. 135, *Ogon. Stud. 148*.

Этимъ не ограничивается полнота условій существованія явленія *сѣ* и пр. въ данномъ говорѣ. Разсматривая его отдѣльно отъ другихъ смежныхъ и сродныхъ, мы заранѣе дѣлаемъ невозможнымъ объясненіе, а потому не должны удивляться этой невозможности.

Въ Ситскомъ гов., въ коемъ есть *цѣя* (што у *цѣя* ёсци Этногр. сб. I, 143, распросілі бы *цѣя* про жицьё-то вековешное 160, без *цѣя*-ли, наш надзѣжа-друг 161, про *цѣя*, насупротив *цѣя*

іѵ. и пр.) и ця («нет лі у ця брацѣша 143, мы ця стѣнем хваліць і ця і жену твою 158, хорошо ця маць спородзіла 158), цѣѣ (к цѣѣ) и це (мы це песню поем 158), обстановка этого явления состоитъ въ наклонности къ особаго рода сочетанію лабіализма и палатализма, отдѣльныя черты коего встрѣчаются одни во многихъ, другія лишь въ нѣкоторыхъ свр. говорахъ. Я разумѣю съ одной стороны лабіализмъ въ переходѣ *z* въ *o* (ого=ово), небность *кя*, *кѣ*, *ки*, явственное передвиженіе гортаннаго *x* къ губамъ въ мовѣ, ясныѣѣ, съ другой —, несмотря на правильное въ этомъ говорѣ измѣненіе *д'*, *т'* (dent. palat.) въ *дз'*, *ц'* (*дз'*, *ц'*) вѣроятно отличное отъ сходныхъ звуковъ въ бр. говорахъ, а можетъ быть именно въ силу мѣстныхъ особенностей этого измѣненія — превращеніе въ *j* и опущеніе (?) небнаго *д* въ *i'i*, по'і, прово'і, глѣ'іцѣ, глѣ'ят, глѣлѣ, Этн. сб. I, 132, 148, 152, 161 (г. Соболевскій долженъ бы отвергнуть фонетическое объясненіе этихъ формъ, такъ какъ іѵ. середзі и пр.; я же сравниваю польск. *ojca*, *skojca*, *skojes*, *grójes*, *grójca*, бр. ойца, молодойца, при пол. *dź*, *ć*, бр. *дз'*, *ц'* изъ небныхъ *д*, *т*); сюда же спорадическое превращеніе *р* въ *j* (ѣбро = рѣбро), *л'* въ *j* (*на лягомо* = на лягомо, передъ спомъ, Этн. сб. I, 133—4).

Наконецъ (что особенно близко къ *сеѣ* = себѣ) спорадическое измѣненіе *o* небнаго въ *j* (и исчезновеніе?) въ благослої, благослоїла, іѵ. 149, 158 и пр. Съ этимъ поджиманіемъ губъ въ *сеѣ*, благослої можетъ быть связано превращеніе спорадич. *бу* въ *бы* въ бытто (Этн. сб. I, 133), бытцу голову (144).

Сходное явленіе намъ извѣстно во многихъ вр. говорахъ, наклонныхъ къ губному палатализму (къ сближенію губъ, неба и конца языка) въ *домой* изъ *домовъ*, тогда какъ въ чуждыхъ этой наклонности бр. и мр. говорахъ — *оѣ* здѣсь теряетъ небность и превращается въ *ў*: дамоў и пр.

Едва ли въ какомъ изъ славянскихъ говоровъ найдется вся совокупность этихъ условій; но отчасти сходный подборъ ихъ встрѣчается въ говорахъ болгарскихъ (Стругъ). Въ гортанныхъ здѣсь замѣчается между прочимъ *x*=*ф* (страф М. 2, водѣѣ,

носиѣ pass.), *x*=*v* (на коня явнале 467, *x* — опускается ('одит 461, гре'о'и 35, пазу'а 462), *xv*=*ф* (префр'ялила 461, фати 4, пофали); *я*, *кя* и пр.: гяци 5, бракя, свакя — та 460.

Въ зубныхъ — опущеніе *d* (т. е. послѣ превращенія его въ *j*: фр. *envie* = *invidia*) въ слогахъ небныхъ между двумя гласными: ср. *зеде*, *кладе*, но изва'и 45, на'иш 75, о'ит 5, 47, кла'иш 2, кла'ит 4, Богоро'ица 35, д'ойме (да ходимъ) 81, двана'есет 11 (серб.). По видимому въ иныхъ случаяхъ достаточно для этого небности одного предыдущаго слога: дан'те догле'ат вуйко 4, догле'ал, гля'аф 79.

Въ губныхъ — способность ихъ къ непосредственному смягченію (сабя 45); небное *m* между гласными исчезаетъ въ „да зе'име 15, 33, зе'ит 47, сузе'ите 492; *v* небное исчезаетъ въ окончаніи *ови*, *ови* (откуда о'и, ой: свато'и, дворо'и (постоянно), мосте'и 37 и сватой (2 сл.); также по'ясмо 471, не'еста 2, оста'и 6 и независимо отъ этого условія: Іо'ан, роса кърва'а 4, ко'ан гердан 5, уба'а Іана 15, сжнце'а майка, да'ала.

Я вижу сходство между этими бол. о'ит (ходить), зе'и (земі) оста'и, не'еста (но тебе) и ситск. по'и, благосло'и, се'е, се'я (себѣ, себя). Разница отгѣнка въ степени небности губныхъ можетъ условливать то, что тогда какъ въ однихъ говорахъ ця и цебя, но по видимому только у *собя*, *собе* (Тв. у. Этн. сб. I, 180), тогда какъ въ другихъ и при твердости предыдущаго слога *b* опускается (тае, сае = тобѣ, собѣ Тульс. Новос. у.).

Неказалось бы удивительнымъ, если бы въ угор.-русс., гдѣ *приязати*, *поязати* и *пой* (пойди, Семеновичъ объ особенностяхъ угор.-русс. гов. 7), оставалось бы *тобѣ*, *собі*. Въ Колом.: Ой чи я *сі* нинаходив тими плаѣчками, чим *сі* бідни нинагляївъ (пупahlajiw) тай співалочками) *Ž. P. II* 201.

Ть, *сь*. «Въ вр. и бр.—дат. *ть*, *сь*: я *ть* дамъ, я женюсь; съ ними одинаковы по образованію мр. (украинск. и галицк.) *мі*, *ті*, *сі*. Подобныя формы, въ генетическомъ отношеніи независимыя отъ русс., существуютъ въ серб. (грло те болело!),

чеш. (tě), моравск., польск.» (Соболевск. Изслѣд. въ обл. р. гр. 59—60).

Здѣсь цѣлый рядъ смѣшеній.

а) Въ оправданіе смѣшенія дат. *ст* съ вин. *жетосе* выставлено іѵ. утвержденіе: «Что въ *женюст ст* есть форма дат. на это указываетъ *си* въ *женюси*. Въ древности съ дат. возвратн. мѣстоим. соединялись только нѣкоторые глаголы (сѣжались), но впослѣдствіи форма дат. возвр. мѣстоим. перешла къ глаголамъ, управлявшимъ винительнымъ, а форма винительнаго къ глаголамъ, управлявшимъ нѣкогда дательнымъ (сжалиться). Последнее достоверно, 1-е—нѣтъ, ибо невѣроятно, чтобы два—три извѣстные по русск. памятникамъ случая съ *си* (стужати *си*) подчинили себѣ огромную массу случаевъ съ *ся*; *си*, *цы* суть фонетическія измѣненія всегда неударяемаго *ся*.

б) Украинскія формы—ни *ми*, *ти*, *си*, ни *мі*, *ті*, *сі* неизвѣстны. Вопросъ о послѣднихъ формахъ въ Галиц. Буков. и Угорщ. требуетъ изслѣдованія. Вопросъ, точно ли они существуютъ гдѣ, и въ какихъ случаяхъ, требуетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія (Мр. п. XVI в. 4, Огонов. Stud. 129); но подлежитъ сомнѣнію, что въ мѣстностяхъ, гдѣ есть энклитич. *мя* и *тя* (а конечно и *ся*) раздѣльно, какъ препозитивное, такъ и постпозитивное, напр. въ Перемышльск. гов., есть и древнія энклитич. формы дат. *ми*, *си* (ср. *Ž. P. I 78*: *вітцеви* дат.): хлѣб-есь *ми* (*ту*) переіла, воду-сь *ми* (*ту*) перепила, одінясь *ми* походила, *Ž. P. R. I, 68*, іди *си* доню від мене іѵ.; най *мі* пожалує іѵ. 69 ме? (хотя іѵ. *тя*), там *си* (*су*) посадимо 71, 73, жаль *ми* (*ту*) батейку на тебе іѵ. 75, щось *си* Гапунь гадала 79, гадалам *си* гадойку 80. Золочев. у.: по під садочок, туда ж *ми* (*ту*) іхавъ молодой *Ž. P. I, 98*, що то *ми* (*ту*) за діло коло Марусенькі сіло?... Носа *си* (*су*) невтирає... Най *си* втре носище 102 (но може *ті* (*ті*) је кривдонька 103).

У Лемковъ въ Сяноцк. окр.: там же *мі* (*мі*) кукала сива зазулейка Т. II, 77, *мі* 8, 9, 13, 52, 57, 78, 80, 81, 82, но тамъ же: та я *си* буду рано кукати іѵ. 79, 52, 55, 59, 60, стала *ти*

ся радість в твоєму дворі ів. 79, 80, ів. 10, 16, тот же ми приніс II, 2, 6 (и мї) 7 (ми и мї), 12.

Стрый: дат. ми Голов. II 616 (и мені) 617, 620, ци не жаль ти буде Г. II 617. Угор. (Мараморощ.) ми, ти (дат.) Г. II 411, 412 et pass....

Съ этимъ не слѣдуетъ смѣшувать *сі* ізъ *ся* въ мѣстностяхъ, гдѣ и въ другихъ случаяхъ *я* (и *є*) неудар. = *і*: Стрый: ярая пшениці Pauli I, 104, каміні дрібненьке 105, зімі мое 106, жиль (žyl) 107, лисці (стѣе) 107, жидала (жа) 109.

Куделенько... бі даж би *ті* прила (тя пряла) II 183, ів. тя; зсичеш *сі*, проймеш *сі* I 105, по горі *сі* фіялочки розвили 107, най же *я сі* подивлю 108, море *сі* розіграло 108—9, гнутсі лави, гнутсі 111. Серце *ми сі* розкрито II, 186, ів. не дай *ми* (му) потонути I, 109, ми II, 183.

Стрый: Ой Господе милосердни (й); *я ся* до *ті* молю II, 183, тя, ів. Імила *ми сі* лиха долі II, 183. Том *ті*, любко, наобіймав *сі*, то нацоловав *сі* II, 185.

А *я* вчора прила (я) клочі, а налі повісмо.

Сидь *си*, любку, коло мене, хоть намъ буде тісно.

Ой сидь *собі* коло мене, присунься близенько,

Що упадне веретінце, склони *ся* низенько II, 187.,

То ж то *ми сі* наприкрило II, 187.

Набивав *сі* огидище аби го любити...

Хоть бись *ми* дав сиві воли, *я* бим нелюбила II, 191.

Въ середу-м *сі* уродила, тотож мині горе.

Не дайтежъ *меня* за старого, бо бородов коле

Ой дай *мене*, моя мати, за файного хлопці,

Щоби *я си* процвітала як ружа въ городці II, 191.

Ой далась *мя*... мене съ дала II, 192.

Казалась *ми* моя мати, що *ми* (мі, *мя*?) *ся* незбудеш II, 192.

Такъ и въ Коломні (*ся* = *се* и *сі*), но *ми* = ми (му) II, 194, 196, 201, *сі*=*ся* 196, *ми* Чортк., ів. 203.

Куди до *ті*=*тя* любку зайти II, 196, хмуриг *сі* 197, но ів.

«Хто поведе *мя* до дому як я ся опожджу» II, 197.

Не дай мене... дай *мя* *Ж.* II, 197, оженися, *ib.* 198.

Ой скажи *си*, товаришу, труновцю зробити, *ib.* 197.

Оженився навіджений, *взим* *си* биснувату, *ib.* 198.

Ой *взяв* я *си* негідницю, а тепер ся каю, *ib.*

Любилам те легінику, якъ зъ горіха зерне, *ib.* 199.

Напиймосі мій миленький солодкого мідку, *ib.* 200, *сі* = ся, *ib.* 205.

в) Утверждение, что *вр-му ть* (дат.) подобно *те* въ серб. «грло те боъело» и соотвѣтственная форма въ чешск., польск., совершенно произвольно. *Те* здѣсь винит. = тл. Винит. при болѣти (мр. болят же нас ножейки, *Ж* Р. I, 73; мене головонька болит, *ib.* II, 196. голова *мя* болит *ib.*) во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ кромѣ *вр.*, см. Mikl. Gr. IV, 383, 12.

Соболевскій: «Колосовъ (Обз. 234). Микл. (Gr. III, 303)» считаютъ «*вр. тѣ, сѣ*, образовавшимися изъ *теъ, сеъ* черезъ стяжение».... Но «формы *тъ, съ* употребляются и въ тѣхъ юж. *вр.* говорахъ, въ которыхъ (какъ въ москов.) ф. *теъ, сеъ* неизвѣстны. По нашему.... *вр.* и *бр. ть, съ*, мр. *мі, ті, сі* произошли вслѣдствіе вліянія на формы *ми, ти, си* формъ *мнѣ, тебѣ, себѣ*: *ь* послѣднихъ перешло въ формы *ми, ти, си* и замѣнило въ нихъ собою *и*» (Ислѣд. въ обл. Р. Gr. 60).

а) Замѣтимъ, что Колосовъ 1. с. только упоминаетъ о *се* (дат.) *Вн.* (Венев.? Арх. Геогр. об.), необъясняя, а Миклош. вовсе о ней не говоритъ. Какъ ни вѣроятна она при несомнѣнной ф. датслн. *те*, но все таки нужны подтвержденія.

б) Возражение противъ объясненія *те* (*тъ*) изъ *теѣ* (= *теѣ*), состоящее въ предполагаемомъ отсутствіи *теѣ* въ московскомъ, — слабо. 1) Присутствіе *теъ* при *тъ* легко и незамѣтить. 2) Если промежуточная ф. въ данномъ говорѣ исчезла (на прим. *су*), значитъ ли это, что конечная (*да-сь, нѣтъ-сь*) не должна быть выводима изъ этой промежуточной.

в) Объясненіе *тъ* изъ *теъ* (а возможно и *съ* изъ *сеъ*) кромѣ

великорусск. промежуточныхъ формъ напр. Сит. *цѣя* и у *цѣя* (не-вѣроятно, чтобы предложная форма была = не основному тебѣ, а та), *цѣть* и *цѣть*, подтверждается аналогіею съ польск. діалект. *se* = *sobie*: *chodziłem se pysno*, Kozł. Lud (Mazow. Czersk.) 58, *pudziem se do tancecka* ib. 364, *ona se przędzie* 365; *sum* (= *сам*) *se rod starsy družba*, *sum se rod* 221 et pass.; *se* = *sobie* (верхн. силез.) *Malin. Beitr.* 50.

И въ другихъ мѣстностяхъ польск. *k-se* (= *мр. поб.*, т. е. *д'* собѣ, *к* собѣ, *влѣво*, при *побѣ* = *д'* себе, од себе, *вправо*, = *Мо-рав.* (Опав.) *na bok* (на *levo*) *odruku* направо, *Šemb.* 60).

Это *se* не можетъ быть объясняемо ни изъ **сѣ* (ибо въ такомъ случаѣ было бы *zic*: ро *gosie*), ни изъ **се* (въ коемъ бы *e* непосредственно примыкало къ предыдущему *s*: ср. зват. *głosie*; въ Черск. *wesiele* Kozł. ib. 362 et pass. *węsiele*, ib. 231), а непосредственно изъ опущенія *s' e* (**so-e*, **se'e*), какъ діалект. *padał* (**p'adał*, *powiadał*), *pedźć* (*powiedzieć*) *Malin.*, ib. 39, *człek* и пр. *Mikl. Gr. I*², 535. Я думаю, что это объясненіе можетъ быть удержано, какъ бы ни объяснялось *те* (род. и вин.: *odjechał te mój wujasek* Kozł. Lud. 267; *niedaj te kijem bić*, ib. 282, *ro-cemzes' te* *rozpała* 261, 262; *jak ci te muje*, *nakraca mi syje*, *jak ci te cese*, *wyguwa mi plese*, ib. 260), при коемъ въ Опол. гов. род. вин. дат. *mie*, (*m'e*) *Малин.* 50. *K-se* = (не смотря на удареніе) — *m'ej*, *twej*, *swej*, *tego* и пр., противу свекіи *мощи* I. *Экз. Шест.* 1263, 29¹).

Болг. *о'ит* (*д*), *зе'ит* (*м*), *свато'и* (*в*) показываютъ, что мѣсто произношенія небо-зубныхъ и небо-губныхъ передвинулось отъ губъ и зубовъ къ среднему небу.

Подобное передвиженіе — въ восточно чешскомъ (*Výsoké*

---

1) Соболевскій, Изслѣд. въ обл. р. гр. 60—1: въ ювр. и бр. *тъ* въ знач. род. вин. «конечно вслѣдствіе вліянія именныхъ ф. род. вин. на *ь*: ювр. *волкъ тѣ* съшь. бр. у *цѣ*» (Ш. Бр. 280). Но *l. c.* у Шейна у *це*, т. е. у *це*, конечно, правильно. Недумаю, чтобы въ ударяемомъ *e* бр. род. вин. *мяне*, за *пябе*, за *сябе* (Ш. ib. 281—2 et pass.), Кур. Шигр. *мінé* (при дат. мѣст. *мне*, на *мне*, *табе*, в *табе*) было *ь*, а не *e*. Ср. кур. *несем*, а не — *ём*.

Mýto, Litomyšl, Šemb. Dialekt. 26—7, 166—8): $\check{v}=j$: postaila, u lajce (lavice), na lajc (u), šeucoj (= ovi), ranoj, promluil, pral (= pravil), (ojc=*ovic* и въ др. мѣстностяхъ Šemb. 13, 19—20, 21—2, 25, 56); $m=n$: do nesta, nesto (ср. ib. mĕl=*měl*); $\check{b}=d$: von d (b) ež dehem dehoucim, straka klude (klube), holoude je vtroude na dýlej míse (vtroubě na bílé míse); $\check{ř}=t$: koutyla, vytyl (= pil) škleñci týva, tyte tývo šak je s tenou (pijte pivo... s pěnou), tekna četyce (pěkna čepice); $d=r$: hervábí, karlec (tkadlec), svarba (= dba); $\check{d}=j$: z (d)vih se; n въ nn = dn: vadna (vanna), padna (panna), povidnost (= nnost); $\check{n}=j$: rajmámňe (paní mámě), sekajna, nadivajna (= anina). Такъ и въ средне-чешскомъ: rajmamo, voj=voi (oni), pojžeňe или pojžeje или pojže (=ponižeňe), Šemb. 21.

Отдѣльные случаи этого передвиженія: Морав. (Ганац.) svajba, Šemb. 48; Морав. (Опавск.) třeja (třeba 59, ср. Чешск. крконош. trás — třebas, není potřá — není potřeba ib. 33 съ польск. trza), do teje (tebe) 61; s'ícežovały sebe (u seje) = себѣ, 117; тамъ же kěj (kěď, когда), všaj (*všad?, вездѣ).

Бузз, бути. Соболевскій (Ст. по славяно-русск. яз. 18—19) думаетъ, что эти формы не предполагаютъ *z*, но что «*у* въ *бути* можетъ восходить къ глубокой древности и быть рефлексомъ праслав. *au*». Слово «можетъ» вставлено болѣе изъ вѣжливости, ибо авторъ рѣшительно отвергаетъ объясненіе изъ *z*: «Мы не имѣемъ *никакихъ* основаній думать, что *у* въ *бути* образовалось какимъ-либо исключительнымъ путемъ». Я думаю, что для автора неисключительный путь состоялъ бы здѣсь въ прямолинейности правила, по которому всякое *u* измѣнялось бы въ *у*. Авторъ, повидимому, не допускаетъ спорадическихъ звуковыхъ явленій, условія возникновенія коихъ встрѣчаются не во всей массѣ словъ, а лишь въ тѣсной ихъ группѣ и поэтому познаются съ большимъ трудомъ. Разъ мы убѣдимся въ возможности существованія такихъ условій, мы остережемся заключать отъ неизвѣстности ихъ къ ихъ отсутствію. Авторъ этого не боится:

а) «намъ неизвѣстно случаевъ..... образованія слав. *у* изъ *ы*».

Встрѣчаются формы *biŭ* въ чеш.-мор. словац., *bić* въ луж., какъ въ мр. бувъ, бути, но

б) «нѣтъ *никакихъ* основаній считать (эти) формы съ *у* развившимися независимо другъ отъ друга и непаходящимися между собою въ близкомъ родствѣ». Это отрицаніе заставляетъ думать, что авторъ, неостанавливаясь на поверхности явленія, употребилъ всѣ усилія, чтобы познать его въ совокупности его конкретныхъ условій, и познавъ тщету этихъ усилій, сказалъ рѣшительное и вѣское слово.

Я не скажу, что происхождение *у* въ бути и пр. мнѣ вполне извѣстно; не думаю, чтобы (если *у* изъ *ы*) условія его въ мр. были вполне тѣже, что въ другихъ нерусскихъ говорахъ; да и вообще въ языкахъ, какъ и въ другихъ областяхъ жизни, считаю дѣйствительными явленія столь индивидуальныя, что всей совокупности ихъ условій нельзя найти нигдѣ, кромѣ ихъ самихъ. Съ этими ограниченіями я укажу на нѣкоторыя аналогіи того процесса, которымъ *бывъ* могло превратиться въ *бувъ*.

Въ одномъ изъ польскихъ говоровъ (Mazowsze Czersk.) въ прич. на *лз* (повидимому только въ среднемъ слогѣ и иногда передъ — еś, но не прямо на-ла-ло) -і-х послѣ пбныхъ даетъ *iuł*: niewróciuł, zasmuciuł Kozł. Lud. 58 et pass. (что напоминаетъ спорад. юрусс. поцолуйте, поцолувавъ, нацолувала, Стрый, Коломыя, Ж. Р. Р. I, 110, II, 194), zrobiuł 356, projuuł 354, rozbiułeś 231. Согласно съ этимъ *у*л изъ основного -илз даемъ *uł*: niepauciuł się Kozł. ib. 54, pauciuł (по pauciułeś się 354), wyskociuł 356 (skocył 355), zobaciuł 358, rusiuł 360, pokrajauł (или oł: powiedziuł 354 et pass.) i posiuł (szył) 364.

(Болѣе въ сторонѣ: kamiuseków род. мн. 260, ср. вр. камушекъ = камышекъ, grzebiusek 214). Согласно съ этимъ при бул (359, 361 etcet., можетъ быть подъ влияніемъ литературнаго яз.) и zeby бул znak ze to od nigo 360. Само собою, что *у* въ *бут*, *бус*, *бу*, *бус* остается.

Съ точки, на которую ставить этотъ случай, можно бы догадываться, что и въ *мр.* сначала въ среднемъ слогѣ подѣ влияніемъ губной—*буѡ*, затѣмъ въ прямыхъ—*була́*, *бути*.

Но условія, замѣчаемыя въ *мазов.*, для *мр.* недостаточны, ибо *мр.* явленіе *ѹже*. Поэтому можно бы дополнить эти условія тѣмъ, что къ измѣненію *зи* въ *у* располагаетъ и предыдущее *б*, по мѣсту своего произношенія въ *мр.* говорахъ столь сродное съ *у*, какъ *ѡ*. Вліяніе предыдущаго губного на измѣненіе *и* въ *у*—съ одной стороны въ Минск. вѹйду, вѹйму (Огон. 40, откуда?), съ другой въ Угор. Русск. вуберати, вурости (Семенов. 6) вукста (ib. 12, ib. *зи* въ *быти*, *бывѣ* и *бовѣ*, *бымь*, а *бымь*, *обымь*, *быс*, *бысте* и *абем*, *обем*, *бес*, *обес*, *бесте* ib. 6), при чемъ не вижу надобности вмѣстѣ съ Соболевск. Оч. 102 принимать, что *ѡу* «перешло здѣсь изъ *у* (откуда *ву*)», такъ какъ ненахожу смѣшенія предлоговъ *у* и *ѡи* (діал. *ѡи*) въ другихъ говорахъ, которое можно бы приравнять къ смѣшенію *си* и *изз* въ *мр.* и *бр.*

На другую точку ставить насъ изслѣдованіе ювр. говоровъ, гдѣ при *былз*—«хранцусъ въ Маскве пабувалъ» Щигр. у., Кур. губ. Халан. Р. Ф. В. 1883, IV, 170, *бувала* ib. III, 121, *бувая* ib. 132 и пр. Здѣсь одно изъ условій измѣненія—пseudаряемость. Съ этой точки нужно было бы предположить, что въ *мр.* сначала—*була́*, *було́*, а потомъ *буѡ*, *бути*. Съ этой точки зрѣнія нужно бы отвергнуть сходство между *буѡ*, *була́* и Мозыр. *муо*, *рѹю* (рию) Чуб. VII, 499 и 596—7 и широко распространеннымъ *мр.* *Маруся* (= поль. *Magysia*).

Относительно *б*). Я указывалъ на то, что въ *мр.* *у* держится лишь нѣкоторыхъ формъ темы *бы*: *буѡ*, *була́* *було*, *бути*, (*незабутный*), тогда какъ въ другихъ остается *и* = *зи*: *би*, *аби*, *добиток*, *побит*, *билна*. Кто возводитъ *у* въ *буѡ* и пр. къ дославянскому времени, долженъ прибѣгнуть для объясненія къ предположенію, что условія въ *би* и *былз* уже въ то время были неодинаковы, или къ другому подобному. Такимъ образомъ простота и прочность объясненія nebudeť достигнута.

Неодинаковость распространения *y* въ словахъ темы *бѣи*, дѣлая вѣроятнымъ то, что исходною точкою послужила здѣсь одна форма съ *ѣ*, въ коей соединились позднѣйшія необщеславянскія, а специфическія діалектическія условія вмѣстѣ, говоритъ противъ того, что нѣтъ основанія считать формы съ *y* развившимися порознь. Основаніе—въ томъ, что въ разныхъ говорахъ разсматриваемое явленіе представляетъ лишь частное сходство. О Мазов. *bił* была рѣчь выше. Тамъ спорадически *bił*, но вѣроятно была (ср. *paucił*, *pauciłeś*). Въ западн. чеш., гдѣ *bił* (вѣроятно *buł*) уже въ XVI в. (Šemb. Dial. IV), въ настоящее время около Домажлицъ *bul*, *bula*, *bulo*, *buli*, но не только *y* = *ѣ* въ *by*, *habu* (*aby*), *buch* (какъ въ *mr.*), но и *ej* = *ѣ* въ *bejt* (какъ *bejk* и т. п., Šemb. ib. 164—6), *ib. mejl*, *krejl* (*ib.* 16); въ другихъ смежныхъ говорахъ *buol* (Budějov.), *buel*, *bel*, *bł* (*ib.*). Примыкаетъ ли къ этому *buol* словацк. *bol*, или нѣтъ, но и въ немъ *bol* (я *bou*, Šemb. 175—6, *bolo* и т. д.) при *buch*, *by*, *aby*, *keby*, *buť*, прич. *byt*, *byvať*.

Относительно ссылки Соболевск. (Статьи 19) на Луж. Н. Зав. 1548 года недоразумѣніе. Соболевскій принялъ *butcz* за неопредѣленное склоненіе и выписалъ неточно «*ja chezu butcz wucziszczony*». Но стоитъ такъ: «*A Jesus... dotknu se iogo, a rekl: ia chezu ie szcinitcz, butcz (=buć=budź) wucziszczony*» Марк., I, 41 = $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$, $\kappa\alpha\theta\alpha\rho\acute{\iota}\sigma\theta\eta\tau\iota$, *volu*, *purgator* (Arch. I. 205).

Соболевскій: «Отношеніе *бути* къ *быти* можетъ быть совершенно такимъ же, какъ отношеніе церковно-славянскаго *слоути*, *плоути* и русск. *слыть*, *плыть* и лит. *gauti*, *šauti*, *krauti* къ общеслав. *рыти*, *мыти*, *крыти*». Но *рыти* — общеславянск. Отчего же *быти* будетъ лишь діалектическимъ? *Быти* = *рыти* и пр. *-бѣв-енѣ* = *крѣв-енѣ*, — *мѣв-енѣ*, — *рѣв-енѣ («въ яму рѣвону, юже изрише», 1346 г. Mikl. Gr. II², 108). Возможно *бѣвѣж = *biwi*, между тѣмъ *плоути* — *пλουтъ*, *пλουтии*, *слоути* *слоутии* при настоящемъ *пловѣж*, *словѣж*.

Отмѣтимъ у I. Экс. Шест. рись 1263 г.: *плогоуи* по мороу 138 об.; на той (тропической «пласъ») никто же неживеть, и'м'

же жегоуи" ѿ"сть на ней зной" безгода, ib. 113; влѣка, владоуи" миромъ 163 об.; како... (оумъ) изидоуи" с тѣла... проидеть въздохъ 196.

**Отличія западныхъ южнорусскихъ говоровъ до XV в. включительно
отъ восточныхъ.**

1. о изъ е. Кромѣ общихъ всѣмъ южнорусск. говорамъ измѣненій этого рода, въ западн. является въ извѣстныхъ случаяхъ о (ё), гдѣ въ восточн. е, которое немогло возникнуть изъ о (ё). Галиц. Дунаёмъ, зильёмъ, господинёвъ. Два изслѣдов. 106. Ogon. Stud. 41. Стрый: зелёный (залёный) Житец. 330. Заблуд. зржоны, замкнёны, огнём, сосён, одзён, човён (ib.); въ другихъ мр. говорахъ Гродн. губ. витёр, горол, човён, зелёный, всё, деревцо (Замѣт. о мр. нар. 40—1), ср. ib. 99, Пружан. у. 103. Бѣльск. у. 123, Кобр. черлюнь, Семинъ, мід—вино, 131, зелёнь, весёла, рожоное, 132; *Сьдлецкіе* говоры: Бѣльск. (Кошолы) едёнъ, Житецк. Оч. зв. ист. 300; (Желевше) Донагаёва 307; Радин. у. едёнъ 303; Констант. у. увсё, свытѣлки Житец. 305—6; Пинск. зелюнь, весюль (zielun, wesiuł), Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińsk., 230.

Ср. размѣшонъ Холм. Ев. XIII—IV в. Собола. Оч. 29. щюдръ, Тип. Ев. XII—III в. ib. 15; ѿгюръ, Указ. Ев. Чт. XIII—XIV в., ib. 34; еторъ, во власяницѣ и пополѣ Луц. Ев. XIV в. ib. 45; *чтюнъ*, Гал. гр. пис. въ Коломыи 1398, Гол. Наук. сб. 1865, 195, Срезн. П. Р. П. 269 (ib. пришедъ), *чтюнъ* (и пришедъ, принуженъ), Гр. 1400, пис. во Львовѣ, Гол. ib. 199.

Нестюръ Гр. 1378 (Собола. Оч. 63). Ср. папъ Хрчень Мартиновскыи Гр. 1401, Гол. ib. 1866, 38; Крщень Мартиновскій гр. 1404, ib. 40; папъ Хрчонъ воевода Судомирскій гр. 1408, ib. 47 (въ спискѣ); *пришодъши* Грам. пис. въ Вишнѣ 1393, Гол. Н. сб. 1865, 193.

2. Вост. юж. русс.: дрова, яблоко (=яблоко), Тростянець, Хрещеный.

Относительно нынѣшнихъ говоровъ см. Два изслѣд. 93. Карп. гал. (Грстяна) блыха. Зам. о мр. н. 12 — 4; Ogonow. Stud. 48 — 9. Кромѣ засвидѣтельствованнаго произношенія глухого звука передъ р у Лемковъ (Гр^орстяна и пр.) въ Стр. у. ь = ы послѣ р: дрыва = (рифм.) чернобрыва Гол. II, 620; въ Бѣльск. у., Сѣдлецк. губ. Яблочаньскій, по «лыченько якъ яблыченько», Житец. Оч. зв. и. 307.

Въ грамотѣ, писанной въ Галичѣ, 1409: «половину дѣднинъы Тристаньць», «ту половицю Тристаньць» «оу той дѣднинѣ Тристаньцьхъ», «пань Хр^ищнь Мартиновский», Голов. въ Н. Сб. 1866 г. I, 48, Ак. Юго-Зап. Р. I, 6.

Въ Гр. стар. Зудечевск. 1424 «дрыва рубатѣ», Гол. ib. 55.

3. Вост. мр. *щѣ* (=йщѣ, йщѣ, кще) = Поликар. Ев. 1307 г. *щии* Собола. Оч. 38. Луц. Ев. XIV в. кщи, Собола. ib. 44; въ Грам. Самбор. стар. 1422, ѣщи, Гол. Н. сб. 1866 г., 51. Собола. Оч. 85: «мы можемъ сказать только то, что оно (*и* въ кщи) не произошло изъ *e* и что современный рефлексъ этого слова извѣстенъ только у гуцуловъ: *иши*».

4. *вы* = вост. мр. *ви* (*вы-*) въ Буков. *vi-*, въ Угорщ. *ву-* (вукста) и пр.

Въ гр. 1400, пис. во Львовѣ, Гол. Н. сб. 55 г., 199: «без одвукупу».

5. Синожатми гр. 1438, Собола. 62, 60. Ср. нынѣшніе западн. мр. *дывонькі* и пр. Жит. 306. Ср. зам. о мр. нар. 132.

6. Восточн. мр. *насиння* изъ *н*—*je* или *н*—*н*; многіе западные говоры незнають удвоенія согласн. (зісле Житец. 303 и т. д.). Можно непридавать значенія написанію *иметь* (имѣнье), въ Поученіяхъ Ефрема Сирина Собола. 55 въ виду частыхъ тамъ случаевъ какъ *паденек*, *терныкъ*, ib. 55, *деръзновѣннѣк* 56. Также неважно въ грам. 1408 (Гол. Н. С. 66 г. 47, грам. извѣстна въ спискѣ) «на оборонѣня»; но въ грам. 1422 г. (Гол. ib. 52; «у Вълчи», близъ Перемышля) «подъ печатю нашею»; въ гр. Александра Коріятовича 1375 («оу Смотричи» Гол. Н. С. 65, 189) «по Божіймъ нароженю» (по изд. Срезн. Пам. 265, по видимому,

болѣе точному: «по Бѣимъ нароженъ»); въ записи 1376, при Холм. Ев. (Вост. Оп. Р. М. 174. Соболю. Оч. 26) «на Бѣомоле».

7. Въ вост. юр. я (=я, ѡ) вообще неизмѣнно. Въ Галиц. и другихъ юзап. и зап. *жель, чес, жиль, чіс* (Два изслѣд. 118—9, гдѣ къ этому свойству отнесено «Хомьковичъ» въ Грам. Банка писан. въ Коломыеи 1398. Гол. Н. Сб. 65, 195). Соболю. Оч. 94 прибавляетъ еще 4 примѣра: грѣдетъ въ Пол. Ев. 1307 г. (Оч. 39); въ Часословѣ XIV в. (іѡ. заступльнѣнѣ; въ свѣтѣ твоюмъ)—въ чѣдѣхъ, чѣдью, во ужѣсѣ (Оч. 47). NB замѣч. Соб. о свойствѣ этого ѡ (!) Оч. 94.

Шепунькі (ша—) Бѣльск. у. Любл. губ. Жятец. 308. На Вольни: мнесо, мнети Чуб. VII 545, 546, 548.

Мѣсо, мнѣти Бѣльск. у. Любл. губ. Чуб. VII 553.

8. е вм. о въ Бѣльск. у. Гродн. губ.: молодеі (Зам. о мр. нар. 124); Кобр. у. Гродн. губ. пареньки немаю, лихеі іѡ. 133; Бѣл. у. Любл. губ. съ теі однеі, одному (Чуб. VII, 553). Соболю. отмѣчаетъ въ Пол. Ев. 1307: первемоу, дендеже, нстави (=о), о меѣмъ имени (Оч. 38). Замѣчанія его объ этомъ іѡ. 95—6.

9. О небности р на вост. и твердости (хотя неповсемѣстной) на западѣ, въ современныхъ мр. говорахъ—Два изслѣд. 130, Замѣтки о мр. нарѣч. 69—70. Твердое р за Днѣпромъ Чуб. VII, 540, 541—2—3—4, 547—551. 553—8, 561—2—4—9, 586—590, 595—7; рѣ небн. за Днѣпромъ: буря, царь Хотин. у. Чуб. VII 559, 560, 570 (Чигир. у. Кіевск. г.).

По сю сторону Днѣпра рѣ Чуб. VII 578—580—1—4. Борисполь (Переясл. Полт. г.) бура, царь 591, также Иванковъ 593.

Ср. у Соболю. Холм. Ев. XII—XIII в. другъ мыгаромъ, обращени Оч. 29; Луц. Ев. XIV в. раширають Оч. 45; Поч. Ефр. Сир. обращеть, сращеть, Оч. 58. Замѣчанія Соболевскаго объ этомъ—Оч. 114. Сочет. ры: въ гр. Свидригайла кн. Черниг. нач. XV в.

Для Бр. говоровъ сочетаніе ру—1415. «господару» (дат.) Ак. Ю. и З. Р. I, № 12.

Отличія запад. южнорусс. говоревъ до XV в. отъ восточныхъ (2).

10. Вост. мр. *чи*; Пинск. у. *ти* (ті?) хороше у хати. Замѣт. о мр. нар. 106; *чи* союзъ (ли) Гол. II, 402—3, Яворов. Колом. окр. ів. 467; Сяноц. окр. II, 77 и пр. *чы* Заблудов. (Два изслѣд. 137), Брест. у. (Зам. оо мр. нар. 126); Бѣльск. у., Любл. губ., Чуб. VII, 553. Радн. у. Жит. 302.

Въ Ип. лѣт. ² я сего *ци* хотѣлъ 594, *ци* без ума мя тво-ришь;... *ци* мала-ть, рци, своя земля 601.

11. Вост. мр.—ть (3 л. ед. и множ.); западн. очень часто—*тз* (=т).

Относительно времени появленія этого въ зап. мр. говорахъ затрудненіе въ неточности изданія памятниковъ.

Въ Грам. Александра Коріятовича 1375, по изд. Срезн. Пам. 265: посмотреть, испрачють, будутъ, имѣють, имуть, проорють по изд. Акт. З. Р. I, 21 и у Голов. Н. С. 65 г. 188—9: посмотреть, имають (Ак. З. Р.), имають Голов.

Въ Гр. Молдавск. Господаря Александра 1407. АЗР. I, 30 сл. (Гол. Н. С. 66, 42) узрить, услышитъ, (имуть), идегъ, иметь и т. д. Смѣшано.

Въ гр. 1421. у Голов. Н. С. (1866, 50) позрить, будетъ... потрібно; въ Ак. Ю. З. Р. I, 8 = позрить, буде потрібно. —ть встрѣчается у Голов. (Н. С. 66) въ Грам. 1422, 1424 и др.

12. Въ гр. Мошончича Гулевичу 1421, у Голов. (Н. С. 66) 50: пѣлазѣ што на пана старостѣнѣ листу *лежа*; ів. въ Ак. Ю. З. Р. I, 8=лежать.

13. Въ той же Грам. писанной во Львовѣ 1421 (Гол. ів.) «кто на сеси листъ позрить... а тонъ листъ даль панъ Васко». NB. Ак. Ю и З. Р. I, 8: на сесь листъ... а тотъ листъ». — *тонъ* достовѣрнѣе. Ср. въ Воинѣ Радн. у. у Житец. 303: Котрый мнѣ трі-зіле достане, тон зо мною до шлюбоньку стане. Въ Пересопниц. Ев. 1556—61— ононь оубогыи (Жит. 362, ср. 363).

14. Отсутствие въ вост. мр. нѣкоторыхъ заимствованій.

Вшитокъ. Въ грам. Оты 1371 (Львов.), Гол. Пам. (65, стр. 187) вшитци вжиткове, то вшитко; въ грамотѣ Гнѣвоша (у Вишни) 1393 ів. 193: о села вшитка. Нынѣ у Лемковъ «вшиткы люде» и пр.

Терхъ (вьюкъ). Нынѣ у Гуцуловъ въ Буковинѣ и Угорщинѣ (Гол. III, отдѣл. I, 224).

Въ грам. Александра Господаря Молдавскаго 1407 (А. З. Р. Гол. Н. С. 1886, 43) «А коли ся воротятъ изъ Оугоръ, отъ каждого терху оу Молдавици по два гроши, а оу Бани отъ каждого терху по два гроши».

Въ той же грам. частица та = и¹).

---

1) На этомъ прерывается рукопись, переданная въ редакцію Извѣстій М. В. Потебнею; послѣднія страницы представляются отрывками не вполне обработанными, но интересными по сообщаемымъ фактамъ и по группировкѣ ихъ.